

Алиев Асилбек Алиевич

**ОБРАЗ АЛИШЕРА НАВОИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ БАБУРА (ПО МАТЕРИАЛАМ "БАБУР-НАМЕ")**

В статье представлен цельный образ А. Навои, созданный Бабуром. Автор приходит к выводу, что этот образ более реалистичен и объективен, по сравнению с теми, что имеются в современных публикациях, родственных по тематике. А. Навои представлен не только как поэт, но и как многогранная и незаурядная личность своего времени со всеми присущими ему достоинствами и недостатками. Автор прослеживает также отношение Бабура к А. Навои и даёт оценку его творчества.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/3.html](http://www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/3.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 22-25. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/](http://www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [voprosy\\_hist@gramota.net](mailto:voprosy_hist@gramota.net)

очередь привел меня к выбору данного слова. Тем не менее, поскольку этот термин получил свою собственную жизнь, я буду заменять здесь его словом «образцы» [Там же, с. 242].

Признавая, таким образом, более широкое значение, закрепившееся за термином «парадигма» как набора многообразных предписаний для научной группы, включающего такие его компоненты, как формализованные знания, категориальные сетки или онтологии, а также системы ценностей, Т. Кун не просто вводит сюда же образцы конкретного решения научных задач, но придает им особый статус и значение для принятия той или иной парадигмы все большим числом ее новых приверженцев. Уже сам процесс обучения студентов на этих образцах исподволь и незаметно для них самих приводит их к принятию именно той парадигмы, согласно которой они усвоили образцы действий в ходе решения учебных задач, выполнения лабораторных работ и т.д.

Наивность подобного отождествления учебной и собственно научной деятельности в данном случае не должна нас смущать, поскольку гораздо более важным является здесь тезис о необходимости образцов успешной деятельности как средств, ориентирующих будущего или уже сложившегося научного работника в решении типовых задач в условиях нормального процесса функционирования научной деятельности.

#### Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. 605 с.
2. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. М.: АСТ, 2003. С. 455-524.
3. Огурцов А. П. Парадигма // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. Лондон - Франкфурт-на-Майне - Париж - Люксембург - М. - Минск: Панпринт, 1998.
4. Соколов Е. Г. Научная повседневность // *Studia culturale*: альманах Кафедры культурологии и Центра изучения культуры Философского ф-та СПбГУ. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2010. Вып. 10. Юбилейный.
5. Степин В. С. Культура // Вопросы философии. 1999. № 8.

#### PARADIGMATIC REGULARITIES IN SCIENTIFIC ACTIVITY

Natal'ya Gennad'evna Agapova, Doctor in Philosophy, Associate Professor  
Department of Culturology  
Ryazan' State University named after S. A. Esenin  
n-agapova@mail.ru

The author reveals the questions related to the cultural specificity of value and normative foundations and regularities in scientific activity, refers to the analysis of the correlation between scientific practice experience and its philosophical-methodological reflexive support, and pays particular attention to the identification of the common philosophical-ontological and culturological content of the category "paradigm" in its application to daily scientific activity.

*Key words and phrases:* scientific activity; methodological conceptions of science; scientific daily routine; paradigm; regularities and norms of scientific activity; cultural content of scientific activity norms.

УДК 950:300.372:8-94

#### Исторические науки и археология

*В статье представлен цельный образ А. Навои, созданный Бабуром. Автор приходит к выводу, что этот образ более реалистичен и объективен, по сравнению с теми, что имеются в современных публикациях, родственных по тематике. А. Навои представлен не только как поэт, но и как многогранная и незаурядная личность своего времени со всеми присущими ему достоинствами и недостатками. Автор прослеживает также отношение Бабура к А. Навои и даёт оценку его творчества.*

*Ключевые слова и фразы:* личность; духовное наследие А. Навои; многогранная личность; отношение Бабура к А. Навои; оценка творчества Навои.

Асилбек Алиевич Алиев, к. филос. н., доцент  
Кафедра религиоведения и гуманитарных предметов  
Ошский государственный университет, Киргизия  
asilbekaliev@rambler.ru

#### ОБРАЗ АЛИШЕРА НАВОИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ БАБУРА (ПО МАТЕРИАЛАМ «БАБУР-НАМЕ»)<sup>©</sup>

Государственный деятель, ученый, полководец и поэт Захир ад-дин Мухаммед Бабур (1483–1530 гг.) подробно характеризует А. Навои (1441-1501 гг.), прежде всего, как человека, незаурядную личность. Он подчеркивает, что А. Навои был «человеком бесподобным», т.е. незаурядным, не таким, как многие другие.

В подтверждение этого он заявляет: «С тех пор как на тюркском языке слагают стихи, никто другой не слагал их так много и так хорошо» [2, с. 179]. Эти строки свидетельствуют и о том, что к творчеству А. Навои Бабур относился чрезвычайно уважительно, преклоняясь перед его гением. Действительно, духовное наследие Алишера Навои огромно. Его собрание сочинений в переводе на русский язык составляет десять томов.

Бабур особо выделяет то, что А. Навои свои стихи и другие произведения создавал на тюркском языке, «хотя он вырос и воспитывался в Герате» [Там же, с. 30]. Добавим к сказанному им, что А. Навои писал и на персидском языке. Между прочим, и сам Бабур писал на этих двух языках, а иногда и на языке урду.

Бабур, перечисляя произведения А. Навои, экспромтом дает им краткие отзывы. В частности, он пишет: «Он сложил шесть книг месневи: пять – в ответ на “Пятерицу” /Шейха Низами/ и еще одну в ответ “Языку птиц”, тоже под названием “Язык птиц”» [Там же, с. 179]. В данном случае имеется в виду «Пятерица» известного и популярного поэта средневекового Востока Низами Гянджеви (1141–1209 гг.). «Язык птиц» – это тоже его произведение, ставшее источником вдохновения и для Навои.

По свидетельству Бабура, А. Навои также «составил четыре дивана газелей под названиями: “Диковины детства”, “Редкости юного возраста”, “Чудеса средней поры жизни” и “Полезные поучения старости”» [Там же]. В данном случае Бабур, на наш взгляд, имеет в виду, скорее всего, произведение А. Навои под общим названием «Хазойнул-маоний» («Сокровищница знаний»), которое иногда называют – «Чар-диван» («Четыре сборника»).

Бабур положительно оценивает рубаи, т.е. четверостишия А. Навои, считая их «хорошими». Но вместе с тем отмечает, что некоторые сочинения А. Навои по своим качествам уступают уже упомянутым. К их числу Бабур причисляет, в частности, его «Сборник писем», который А. Навои составил, «следуя примеру Маулана Абд ар-Рахмана Джамии» [Там же], который известен на Востоке не только как выдающийся поэт, но и как музыковед, теоретик музыки, воспринявший и развивший основные идеи знаменитого «Аристотеля Востока» Абу Насра аль-Фараби (870–950 гг.) в области музыки.

«Персидский диван он тоже составил: в персидских стихах он употребил тахаллус – Фани. Некоторые стихи там недурны, но в большинстве они слабы и стоят низко», – замечал Бабур, критически оценивая качество не понравившихся ему стихов [Там же].

Бабур критично оценивает и книгу А. Навои о стихосложении под названием «Весы стихотворных размеров». Он делает следующие замечания: определяя «размер двадцати четырех рубаи», А. Навои «сделал ошибку в четырех размерах». Он допустил ошибки, по мнению Бабура, также и «в некоторых других метрах». Эти недостатки, убежден Бабур, явно видны людям, «внимательным к стихосложению» [Там же].

Бабур позволяет себе давать далеко не лестные отзывы произведениям не только А. Навои, но и других авторов своего времени, что свидетельствует, с одной стороны, о том, что Бабур, возможно, считал себя знатоком в теории стихосложения, а с другой – он был человеком объективным, ему была чужда лесть, даже по отношению к А. Навои, хотя последний обладал огромным авторитетом и влиянием среди поэтов и литераторов, а также правителей, эмиров, беков своего времени как в Герате, так и в Самарканде.

Бабур представляет образ А. Навои не только как поэта, но и как многогранную личность, со всеми присущими ему положительными и отрицательными чертами характера. Причем старается он это делать, на наш взгляд, вполне непринужденно и объективно. Бабур считает, что А. Навои отличался «щекотливостью нрава», т.е. щепетильностью, и это качество «было у него природным», а не «от обольщения властью, как думали другие» [Там же]. По этой причине А. Навои, по его мнению, очень болезненно воспринимал «шутки в свой адрес», «не терпел возражений». В подтверждение этого Бабур приводит следующий пример. В Герате в окружении А. Навои был поэт Беннаи (1453–1512 гг.), склонный к «шуткам и насмешкам». Он «часто возражал Алишер-беку и по этой причине терпел много притеснений». И «в конце концов, он не мог больше оставаться в Герате» [Там же, с. 187].

Алишер Навои, по свидетельству Бабура, оказал положительное влияние на Беннаи: «Сначала Беннаи был несведущ в музыке, – пишет Бабур, – и по этой причине Алишер-бек, говорят, укорял его». Но в одну из зим, когда А. Навои был в отъезде, «он упражнялся в музыке и к весне так наострил, что мог сочинять целые произведения». К весне он «исполнял уже свои сауты и накши, и Алишер-бек удивлялся и одобрял его» [Там же].

Бабур отмечает «чувствительность сердца», или же сентиментальность А. Навои, который при определенных обстоятельствах мог даже прослезиться. Такое позволял себе, между прочим, и сам Бабур. Сентиментальность А. Навои подтверждает следующий случай: «Однажды между Алишер-беком и Мирзой произошел разговор, – пишет Бабур, – который указывает на остроту ума Мирзы и чувствительность сердца Алишер-бека. Алишер-бек сказал Мирзе на ухо много тайных слов и добавил: “Забудьте эти слова”. Мирза тотчас же спросил: “Какие слова?”. Алишер-бек, сильно этим тронутый, долго плакал» [Там же, с. 66]. Данный эпизод свидетельствует, с другой стороны, и о том, что А. Навои был одним из самых доверенных людей султана Хусейн-Мирзы.

Бабур приводит также ряд сведений, характеризующих А. Навои не только как шутника и остроумца, любителя игры в шахматы, но и как человека творческого склада ума, склонного к изобретательству: «Алишер-бек придумывал много разных вещей, – пишет Бабур, – и хорошие вещи придумывал. Всякий, кто изобретал что-нибудь новое в своем деле, чтобы обеспечить успех этой вещи, называл ее “алишери”» [Там же, с. 187-188].

Бабур описывает случай, характеризующий А. Навои как человека, умеющего всяческим путем избавляться от людей, неугодных ему и его кругу. Так, при дворе султана Хусейн-Мирзы был некий Маджд ад-дин Мухаммед, который за короткое время своим рвением и усердием завоевал к себе благосклонное отношение султана Хусейн-Мирзы. Однако он, вероятно, почувствовав это, зазнался, стал проявлять высокомерие и, возможно, в силу этого «враждовал с беками и должностными лицами, во главе которых стоял Алишер-бек. По этой причине все его невзлюбили. Доносами и происками они заставили схватить Маджд ад-дина Мухаммеда и отстранить его от должности» [Там же, с. 185].

Из «Бабур-наме» можно почерпнуть много сведений о людях из окружения А. Навои. Этот круг людей отличался разнообразием, включая эмиров, султанов, визирей, беков и, завершаясь, по выражению Бабура, «мнимыми суфиями», т.е. людьми, выдававшими себя за суфиев.

Благодаря Бабуру мы знаем, что А. Навои, будучи еще юношей, прибыв из Герата в Самарканд для совершенствования своих знаний, несколько лет «находился при Ахмед Хаджи беке». По свидетельству Бабура, «это был человек веселый и смелый. Он принял тахаллус Вафаи и был автором дивана стихов». По мнению современных исследователей, Ахмед Хаджи бек был большим другом А. Навои. До возвращения в Герат А. Навои жил в доме Ахмеда Хаджи бека и проводил время в его обществе. После того, как султан Хусейн-Мирза стал государем Хорасана, А. Навои немедленно выехал к нему и встретил там «весьма великое благоволение» [Там же, с. 46]. И на это были веские основания, ибо А. Навои был султану, по свидетельству Бабура, «не беком», а «его товарищем». Более того, «в детстве они учились в одной школе, между ними была большая близость» [Там же, с. 172-179]. Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что А. Навои был из довольно высокого и знатного рода. По современным данным, отца Навои звали Гиясиддином, и он занимал довольно высокое положение на службе у хорасанских правителей. Гиясиддин сам любил литературу, часто устраивал поэтические беседы. Дядья Алишера по линии матери Мирсаид Кабули и Мухаммед Али Гариби были известными поэтами своего времени.

Султан Хусейн-Мирза, заняв престол, «сначала имел мысль помянуть в хутбе двенадцать имамов; Алишер-бек и еще кое-кто его отговорили» [Там же, с. 173]. Если принять во внимание, что султан Хусейн-Мирза, по свидетельству Бабура, был государем Хорасана почти сорок лет, то выходит, что он вступил на эту должность в 1466 году. Присутствовавшему при этом Алишер-беку было двадцать пять лет, но он и в этом возрасте оказался достаточным авторитетом для султана, отговорив того от излишней снесь, к тому же вряд ли имевшей серьезные основания.

Бабур был непосредственно знаком с султаном Хусейн-Мирзой. Они часто общались и переписывались. Возможно, султан Хусейн-Мирза в определенной степени повлиял на формирование у Бабура образа А. Навои. Бабур уважительно относился к султану, называя его «Хусейн-Мирза, сидящий на престоле Тимур-бека» [Там же, с. 171].

В основном же А. Навои окружали люди творческого труда – поэты, писатели, музыканты, художники, каллиграфы и др. Примечательно то, что нуждающимся из них А. Навои всегда оказывал помощь и поддержку, выступая в качестве спонсора. Такая возможность у него была, т.к. он стоял во главе «беков и должностных лиц». Бабур дает прекрасную характеристику А. Навои как меценату: «Неизвестно, существовал ли когда-нибудь другой такой пособник и покровитель людей науки и искусства, как Алишер-бек». Для меценатства, как известно, требуются большие суммы денег. И они, по свидетельству Бабура, у А. Навои были. Он пишет: «От Мирзы он (*т.е. А. Навои – А. А.*) ничего не брал, а наоборот, каждый год подносил ему в подарок большие деньги» [Там же, с. 179]. Следовательно, у А. Навои был какой-то источник дохода, о котором Бабур либо не знает, либо умалчивает.

Бабур перечисляет имена лиц, снискавших «столь большую славу и успех благодаря помощи и поддержке бека», т.е. А. Навои. Вот только некоторые из них – «великие мастера в играх на музыкальных инструментах» [Там же] Устад Кул Мухаммед, Шейх Найи и Хусейн Уди, а также Устад Бекзад и Шах Музаффар.

Находясь в окружении таких музыкантов, А. Навои не мог, конечно, не сочинять музыку. По свидетельству Бабура, в «музыке он сочинял хорошие вещи, у него есть прекрасные накши и пишравы» [Там же, с. 180].

Бабур отмечает, что А. Навои был излишне доверчив и в силу этого приближал к себе людей, выдававших себя за суфиев. И даже вместе с ними он иногда устраивал «радения, впадая в исступление» [Там же, с. 184]. Заметим, образ жизни суфиев в свое время привлекал таких ученых-энциклопедистов, как аль-Фараби, аль-Беруни, Ибн Сина. Известно, что они вели скромный и даже аскетический образ жизни (особенно, аль-Фараби) и, возможно, следуя суфизму, они не имели семьи, не оставили детей. То же самое можно сказать и по отношению к А. Навои. Бабур пишет: «Без сына, без дочери, без жены и без семьи прошел он прекрасно /свой путь/ в мире, одиноко и налегке» [Там же, с. 179].

Из «Бабур-наме» нам становится известно, что у А. Навои был родной брат Дербиш Али бек. Он, по свидетельству Бабура, «некоторое время управлял Балхом» и там вначале «проявил себя хорошим беком», хотя он был «скудоумным», «ни к чему не способным человеком». Из-за этих качеств он был отстранен «от должности правителя Балха». По его мнению, Дербиш Али бек «пользовался почетом» «только благодаря влиянию Алишер-бека» [Там же, с. 181]. Бабур даже встречался с ним лично. Это произошло в г. Кундуз в 1512 г. Заметим, это первое и единственное упоминание им родного брата А. Навои.

Благодаря Бабуру мы знаем, какие должности занимал А. Навои в течение своей жизни. Он «сначала был хранителем печати», или «тамги», т.е. сборщиком пошлин за товары. К «середине жизни» А. Навои «стал беком и некоторое время правил в Астрабаде», говоря иначе, А. Навои стал беком, по свидетельству Бабура,

где-то к тридцати годам, т.к. он прожил всего 60 лет [Там же, с. 179]. А «в конце своих дней оставил военное дело». Возможно, это означает, что А. Навои перестал принимать участие в военных походах [Там же, с. 172]. Возможно и другое: занимал какую-то тайную должность, которая и была источником его материального благополучия.

В «Бабур-наме» есть свидетельства того, как иногда А. Навои выполнял функции дипломата. Так, Бабур описывает случай, когда Алишер-бек выступал в качестве посла султана Хусейн-Мирзы к его сыну Бад'аз-Заман-Мирзе в тот период, когда отец и сын враждовали [Там же, с. 66].

По свидетельству Бабура, А. Навои неоднократно выступал инициатором той или иной стройки и часто руководил ими. По этому поводу Бабур заключает: «Мало кому удавалось построить столько полезных зданий, сколько построил он» [Там же, с. 179].

В «Бабур-наме», как уже отмечалось, мы не смогли найти свидетельств о непосредственном общении Бабура и А. Навои. Имеется лишь упоминание Бабура о переписке между ними: «Когда я в этот раз вторично взял Самарканд, Алишер-бек был еще жив». «Ко мне однажды даже, – продолжает Бабур, – пришло от него письмо. Я тоже послал ему письмо и написал на обороте сочиненный мною тюркский стих; раньше, чем успел прийти ответ, начались неурядицы и смуты» [Там же, с. 104-105]. Следовательно, ответа А. Навои на свое письмо и отзыва на стих Бабур не дождался. К сожалению, о содержании своего письма, отправленного А. Навои, он ничего не говорит. По мнению С. А. Азимжановой, первое датированное стихотворение Бабура относится к 905 году хиджры, т.е. к 1499–1500 гг. Оно было на персидском языке. А стих, посланный Бабуром к А. Навои, был первым произведением, написанным им на тюркском языке [1, с. 24-25]. Возможно, Бабур хотел узнать мнение А. Навои о своем стихотворении.

Несмотря на отдельные критические замечания в адрес А. Навои, Бабур относился к нему чрезвычайно уважительно. Об этом свидетельствует хотя бы то, что Бабур бережно собирал труды А. Навои: «В пятницу 23 числа (*т.е. 16 декабря 1510 г. – А. А.*), – пишет он, – я закончил отбор стихов и газелей из четырех диванов Алишер-бека, распределив их по размерам» [2, с. 250]. О почтительном отношении Бабура к А. Навои как человеку свидетельствует и то, что он, позднее приехав в Герат, посетил его могилу, а затем в течение почти двадцати дней, вплоть до отъезда, жил в доме, где когда-то он жил. Заметим, если дом А. Навои устроил правителя такого уровня, как Бабур, то, надо полагать, А. Навои жил довольно прилично.

О последних часах жизни А. Навои Бабур рассказывает следующее: «Когда Султан Хусейн мирза возвращался из похода на Астрабад, Алишер-бек выехал ему навстречу. Поздоровавшись с Мирзой, он хотел подняться /с колен/, но с ним что-то случилось и, он не смог встать; его подняли и унесли. Врачи никак не смогли распознать /его болезнь/. На следующее утро он преставился к милости Аллаха» [Там же, с. 179-180]. После этих строк Бабур приводит двустушие А. Навои, которое свидетельствует о его прозорливости. Вот эти строки:

Я умираю от недуга, но так как болезнь не явна,

Чем могут помочь мне лекари в этой беде? [Там же, с. 180].

Таким образом, Бабур характеризует А. Навои как многогранную, незаурядную личность. Параллельно с этим дает и ряд беглых литературных портретов наиболее заметных современников этого выдающегося деятеля, сохранив для нас образы той общественной среды, в которой сформировались Алишер Навои и сам Захриддин Бабур и на которую они, в свой черед, оказали столь мощное и благотворное интеллектуальное воздействие.

В итоге А. Навои предстает перед нами, по образному выражению Бабура, как «бесподобная» личность, сформировавшаяся в эпоху Восточного Ренессанса, правда, в завершающей его стадии, которая базируется на достижениях светской культуры домонгольского периода, является ее возрождением, дальнейшим развитием.

#### Список литературы

1. Азимжанова С. А. Индийский диван Бабура. Ташкент: Фан, 1966. 183 с.
2. Бабур З. М. Записки Бабура (Бабур-наме). Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1993. 463 с.

#### IMAGE OF ALISHER NAVOI IN BABUR'S REPRESENTATION (BY THE MATERIALS OF "BABUR-NAMA")

Asilbek Alievich Aliev, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor  
Department of Religious Studies and Classical Subjects  
Osh State University, Kirghizia  
asilbekaliev@rambler.ru

The author presents the integral image of A. Navoi created by Babur, concludes that this image is more realistic and objective as compared with those available in the modern publications of the related subject matter, shows that A. Navoi is represented not only as a poet, but as a multifaceted and extraordinary personality of his time with all the inherent advantages and disadvantages, also traces Babur's attitude to A. Navoi, and gives the estimation of his creativity.

**Key words and phrases:** personality; spiritual heritage of A. Navoi; multifaceted personality; Babur's attitude to A. Navoi; estimation of Navoi's creativity.